

Недобор А.Н.

4 судебный участок Первомайского судебного района г. Новосибирска

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Потребность лица, подвергаемого уголовному преследованию, в получении квалифицированной юридической помощи защитника, обладающего достаточными полномочиями для надлежащей его защиты, общепризнана, как и особая значимость установления надлежащих гарантий реализации этой потребности. Российское уголовно-процессуальное законодательство наделяет такое лицо широким кругом правомочий для защиты от уголовного преследования. Однако, несмотря на непрерывный процесс развития соответствующих уголовно-процессуальных институтов, в следственной и судебной практике нередки случаи принятия ошибочных решений и нарушения прав и свобод личности, с учетом специфики уголовного судопроизводства, влекущих крайне серьезные последствия, как для личности, так и для общества в целом. Учитывая это, а также необходимость осмысления последних тенденций развития законодательства и правоприменительной практики, вопросы участия защитника в уголовном судопроизводстве сохраняют свою актуальность.

Следует отметить, что начальный момент возникновения права на помощь защитника, наряду с безотлагательностью его обеспечения, является важной гарантией права на защиту, а также основных прав лица, подвергаемого уголовному преследованию или сталкивающемуся с ограничением прав и свобод в процессе уголовного судопроизводства, и предупреждения нарушений закона, злоупотреблений, ненадлежащего обращения¹. Поэтому ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, устанавливая минимальные гарантии прав

подозреваемого (обвиняемого), определяет начальный момент возникновения у такого лица дополнительных гарантий права на квалифицированную юридическую помощь, а именно момент задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, или, как разъяснил Конституционный Суд РФ, с момента фактического начала осуществления уголовного преследования, ограничения прав лица в связи с принятием правоохранительными органами мер к уличению его в совершении преступления². Непринятие следователем или дознавателем мер по обеспечению подозреваемого (обвиняемого) помощью защитника либо назначение защитника с нарушением порядка могут влечь недействительность показаний, данных при допросе или аналогичном следственном действии, сопровождающемся получением объяснений и уголовно-преследуемого лица (очной ставке, осмотре места происшествия, личном досмотре и т.д.)³.

Защитник, являясь самостоятельным субъектом уголовного процесса⁴, действующим в интересах подзащитного, пользуется рядом процессуальных прав, среди которых как классические права, обеспечивающие возможность полноценного и информированного участия в уголовном процессе и отстаивания своей позиции по делу, так и специальные права иметь свидания с подзащитным, собирать сведения, потенциально обладающие доказательственным значением, и т.п. Особенность процессуального статуса адвоката заключается в том, что, не являясь публично-властным субъектом уголовного судопроизводства, адвокат-защитник вместе с тем

¹ Чекотков А.Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 68.

² См. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

³ См., напр.: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.05.2023 № 77-2101/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (из описательно-мотивировочной части приговора исключены ссылки на протокол осмотра места происшествия в части пояснений, данных подозреваемым в отсутствие защитника, а также на показания сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными со слов подозреваемого при проведении такого осмотра; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2023 № 77-407/2023 (по тем же причинам недопустимым доказательством признан протокол ОРМ).

⁴ Подпр.: Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Некоторые аспекты поддержания оптимальных бесконфликтных отношений между участниками уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2 (40). С. 32-38.

обязан активно реализовывать свои процессуальные права в целях защиты доверителя.

Процессуальное положение защитника в уголовном судопроизводстве – комплексное и многоаспектное правовое явление. Проблемы его регулирования проявляются на всех стадиях уголовного процесса и затрагивают самые разные институты уголовно-процессуального права.

Важным элементом процессуального положения адвоката-защитника является его право участвовать в собирании доказательств. Это аспект адвокатской деятельности в уголовном процессе является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса, однако окончательно разрешенным его назвать нельзя.

Частью 3 ст. 86 УПК РФ предусмотрены три основных способа собирания доказательств защитником: получение предметов, документов и иных сведений, опрос лиц с их согласия, истребование документов от органов власти и иных организаций посредством адвокатского запроса.

На практике одним из важнейших способов участия защитника в процессе собирания доказательств является заявление им ходатайств (к примеру, о производстве следственных действий, постановке вопросов перед экспертом). Уголовно-процессуальным законом особо предусмотрена обязательность удовлетворения ходатайства защитника о привлечении к участию в производстве компетентного по обстоятельствам уголовного дела специалиста, если он не подлежит отводу (часть 2.1 ст. 58 УПК РФ).

При этом, не обладая публично-властными полномочиями и не имея возможности непосредственно использовать государственное принуждение для собирания доказательств (исключением, отчасти, является использование адвокатом механизма адвокатского запроса), адвокат-защитник объективно ограничен в возможностях по формированию доказательственной базы по уголовному делу для защиты доверителя. Провозглашение равенства обвинения и защиты не отменяет их естественного фактического неравенства, отсутствующего лишь в делах частного обвинения. Средством нивелирования такого структурного дисбаланса, его негативных эффектов на реализацию права на защиту является реализация принципа благоприятствования

защиты (*favor defensionis*), предоставление стороне процессуальных преимуществ (привилегий), прав и гарантий помимо механического уравнивания полномочий¹.

С этой позиции следует рассмотреть, в частности, мотивированное равенством сторон разъяснение Верховного Суда РФ о распространении права защитника привлекать компетентного и не подлежащего отводу специалиста при условии относимости его пояснений и на сторону обвинения: «С учетом положений уголовно-процессуального закона о равенстве прав сторон в удовлетворении такого ходатайства (о привлечении к участию в судебном разбирательстве специалиста) не может быть отказано и стороне обвинения» (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»). Учитывая, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства стороне обвинения принадлежит право назначать судебную экспертизу, заключение которой в российском уголовном процессе придается особый вес (ст. 195 УПК РФ), равно как и привлекать специалиста по своему усмотрению, применение по аналогии процессуальной привилегии, предоставленной законодателем стороне защиты в целях исправления фактического неравенства прав и возможностей сторон, в интересах стороны обвинения не может быть обосновано ссылкой на принцип равенства сторон.

В целях укрепления права на защиту и совершенствования правового положения защитника законодателем или правоприменителем могут быть уточнены основания отказа в ходатайстве стороны защиты о производстве следственного действия или приобщении доказательств, с ограничением права следователя (дознавателя) и суда отклонять «избыточные» доказательства случаями явного злоупотребления правом стороной защиты. Совершенствование же процессуального механизма приобщения к материалам дела полученных защитником материалов, предметов и документов, их проверки, оценки и придания им статуса надлежащих доказательств, с учетом закрепления требования всесторонности расследования и принципа благоприятствования защите, в значительной степени способно

¹ Курс уголовного процесса. / под ред. Л.В. Головки. Изд. 4-ое, испр. и доп. М. : Статут. 2025. С. 367-368.

восполнить ограниченность прав защитника¹. Наконец, следует изменить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, ограничивающие право защиты привлекать специалиста (включая распространение соответствующего права защитника на судебном следствии на сторону обвинения, исключение положений о допросе явившегося в судебное заседание специалиста случаями «необходимости» в его допросе)².

Итак, анализируя проблемы осуществления адвокатом-защитником деятельности по собиранию и представлению доказательств в уголовном процессе, следует прийти к выводу о целесообразности совершенствования этого элемента процессуального положения

адвоката, включая модификацию процессуального механизма приобщения к материалам дела полученных защитником материалов, предметов и документов, их проверки, оценки и придания им статуса надлежащих доказательств, с учетом требования всесторонности расследования и принципа благоприятствования защите; развитие корпоративного регулирования адвокатского опроса; отказ от разъяснений относительно привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве, данных Пленумом Верховного Суда РФ и ухудшающих положение стороны защиты по сравнению с установленным законодателем.

Лукьянова А.А.,

Барнаулский юридический институт МВД России

К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Многозначность термина «задержание» предопределена его специфичной правовой основой. Конституционный концепт о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность охватывает и пронизывает все отрасли российского права. При этом именно в Основном законе нашего государства строго определены требования к процессуальной форме ограничения. Прежде всего в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ поименованы унифицированные способы правоограничения, предполагающие изоляцию от общества (задержание, арест, заключение и содержание под стражей), которые могут использоваться государством для достижения публично-значимой цели (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Отметим, что задержание является не только неординарным внесудебным способом ограничения свободы и личной неприкосновенности, но и новацией Конституции РФ 1993 г.³ Согласно данным официальной статистики⁴, ежегодно порядка 0,5 млн раз

задержание применяется в качестве меры государственного принуждения в рамках производства по делам об административных правонарушениях, а также по уголовным делам. В литературе не осталось не замеченным отсутствие единой научно-практической позиции относительно сущности задержания подозреваемого и определения его места в системе уголовно-процессуального регулирования. Например, С.Б. Россинский указывает, что обусловлено такое положение дел разными формами правоохранительной деятельности, в которых может быть реализована названная мера, и соответствующими им сферами правового регулирования⁵.

Ожидается, что многие годы не ослабеет интерес в науке уголовного процесса к многочисленным проблемам института задержания подозреваемого как доктринального, так и технико-юридического характера, в частности, к образовавшейся еще в период реализации Концепции судебной реформы уголов-

¹ Корнакова С.В. Доказательственная деятельность защитника в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации. // Мировой судья. 2023. № 3. С. 22.

² Тарасов А.А. О судьбе одной гарантии состязательности в использовании специальных знаний в уголовном процессе. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 123-128.

³ Данное обстоятельство подтверждается тем, что ранее ни в Конституции РСФСР 1978 г., ни в Конституции СССР 1977 г., ни в Конституции СССР 1936 г. в соответствующих нормах о неприкосновенности личности задержание не упоминалось. Вместе с тем именно в советском уголовно-процессуальном законодательстве было сформировано правовое регулирование этой меры, которое во многом воспринято УПК РФ.

⁴ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013-2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).

⁵ Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М. : Проспект. С. 15.